

18+

Сааша Мгин

Жизнь Тovia Львовича Зильбера

Повестъ о шашечном
Академике

Саша Игин

**Жизнь Товия Львовича Зильбера.
Повесть о шашечном Академике**

«Издательские решения»

Игин С.

Жизнь Товия Львовича Зильбера. Повесть о шашечном Академике
/ С. Игин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-692648-6

Эта повесть о выдающемся шашечном Академике, Зильбере Товий Львовиче. Его жизнь — как идеальный шашечный этюд: из трудного, конфликтного начала через серию точных, красивых ходов к гармоничному и логичному финалу. Доска его жизни была расставлена войной и судьбой, но каждым своим ходом — будь то атака, защита или жертва — он стремился к одной цели: создать на ней позицию совершенной красоты и неопровержимой истины. Он видел за доской — мир, полный гармонии, которую нужно лишь суметь отыскать.

ISBN 978-5-00-692648-6

© Игин С.

© Издательские решения

Содержание

Часть I. Доска 44-й школы (1924—1945)	6
Глава первая: Харьков, 1934. Первые ходы	6
Глава вторая. Зеркало авторитета	9
Глава третья: Этюд как поэзия	12
Глава пятая. Пол-очка	16
Глава шестая. Разрыв	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Жизнь Товия Львовича Зильбера Повесть о шашечном Академике

Саша Игин

© Саша Игин, 2026

ISBN 978-5-0069-2648-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Доска 44-й школы (1924—1945)

Глава первая: Харьков, 1934. Первые ходы

Мир был квадратным. Четким. Понятным. Шестьдесят четыре клетки – тридцать две темных, тридцать две светлых. На них – двенадцать белых и двенадцать черных деревянных кружков, гладких, чуть теплых от пальцев. Все по правилам. Ход – ответ. Взял – отдал. Здесь не было внезапных окриков за стеной, непонятных шепотов взрослых, прерывающихся на полуслове при твоём появлении. Здесь не пахло тревогой.

Товий ставил доску на край кухонного стола, отодвигая чашку с недопитым чаем. Из комнаты доносились низкие голоса отца и дяди – что-то о работе, о каких-то «нормах», «планах», голоса были сдавленные, будто они говорили не дома, а на улице, в мороз. Он не вслушивался. Его мир сузился до размеров шахматной клетки, шашечной доски, которую отец вырезал и разлиновал собственноручно прошлой зимой. Краска легла чуть неровно, отчего светлые квадраты казались слегка помятыми, но это только лучше. Это была не идеальная абстракция, а живая, рукотворная вещь.

– Ну, Товик, показывай, чему научился, – говорил Лев Залманович, опускаясь на стул по другую сторону доски. Лицо у него было усталое, с глубокими складками у рта, но глаза, глядя на сына и на расставленные шашки, светлели, становились сосредоточенными, почти молодыми. Он учил не «бить», а «взять». Не «ходить», а «совершать ход». Язык игры тоже должен был быть четким, как ее правила.

Мама, Анна Наумовна, проходила мимо, клала руку на его стриженую макушку: «Опять в свои войнушки?» Она не понимала, что это не война. Война – это хаос. А здесь был порядок. Предсказуемость. Если ты правильно рассчитал, если увидел на три хода вперед – победа неизбежна. В этом была прекрасная, железная логика.

Играли молча. Щелчок дерева по картону. Вздох. Иногда отец тихо говорил: «Смотри... вот если сюда, то я – туда. И твоя дамка попадает в ловушку. Видишь?» Товий видел. Мозаика возможностей складывалась в его голове в стремительные, ясные комбинации. Он проигрывал – почти всегда. Но с каждым разом сопротивление длилось дольше. Он научился жертвовать, чтобы заманить. Отступать, чтобы собрать силу для прыжка. Отец однажды, после особенно упорной партии, снял очки и протер их, пряча улыбку: «Ты – упрямый. Это хорошо. В шашках упрямство зовется волей к победе».

Домашний мир был надежен, но тесен. Квадрат доски требовал расширения. И оно пришло в лице Володи.

Володя Могилевич жил двумя этажами выше, в такой же коммунальной квартире с высокими потолками и вечным запахом капусты в подъезде. Он был на год старше, хулиганистей, с выцветшими на солнце вихрами и вечно разбитыми коленками. Он принес во двор не мяч, а потрепанную книжку «150 шашечных этюдов».

– Ты что, тоже в дурачки дерешься? – спросил он, увидев Товия с доской под мышкой, собиравшегося в читальню.

– Я не в дурачки, – обиделся Товий. – Я играю.

– А, играешь! Ну-ка, давай покажи, как играешь.

Они сели на лавочку у подъезда, под скептическими взглядами девчонок, игравших в «классики». Володя двигался резко, ставил шашки со стуком, громко чмокал, когда брал. Он не просто играл – он жил каждой партией, каждым взятием. Он знал кучу странных названий: «обратная коловая», «игра Бодянского», «тычок». Его мир шашек был не тихим и созерцательным, а азартным, горячим, полным неожиданных выкрутасов.

– Ты слишком прямо идешь, – критиковал Володя. – Надо путать! Заводить в цейтнот! Смотри, я тебе сейчас такую петлю закину...

И закидывал. Товий проигрывал, но внутри все закипало от восторга. Оказывается, можно не только рассчитывать, но и импровизировать! Не только защищаться, но и провоцировать! Володина игра была дерзкой, иногда небрежной, но всегда ослепительной. Они стали проводить вместе все время. Сражались на лавочке, на ступеньках, в сквере возле Университета, разбирали по книжке знаменитые партии, спорили до хрипоты.

Именно Володя однажды сказал, вытирая мокрый от усердия нос: «Чего мы по подворотням торчим? В Доме Красной Армии, слышал, кружок шашечный открыли. Там старики чемпионы занимаются. Пойдем?»

Дом Красной Армии стоял на улице Совнаркомовской, солидный, строгий. Товий, идя туда с отцовской доской под мышкой, чувствовал себя маленьким и несолидным. Их встретил мужчина лет пятидесяти, в гимнастерке без погон, с внимательными, спокойными глазами. Звали его Михаил Иванович.

– Новобранцы? – улыбнулся он. – Проходите, места свободные.

Кружок оказался не «стариками», а мальчишками самого разного возраста, от двенадцати до почти взрослых. Было шумно, пахло махоркой и древесным лаком от столов. Михаил Иванович не читал лекций. Он показывал. Ставил на демонстрационной доске, висевшей на стене, позицию и спрашивал: «Белые начинают и выигрывают. Кто видит?»

Володя сразу тянул руку и выпаливал первый, самый очевидный вариант. Михаил Иванович терпеливо опровергал его, передвигая шашки. Товий не тянул руку. Он впитывал. Сидел, не двигаясь, уставившись на доску, пока узор из черных и белых кружков не начинал жить своей жизнью, пока ходы не возникали сами собой, как единственно возможные. Он видел не отдельные шашки, а связи между ними, силовые линии, узкие тропинки и широкие дороги, которые они прокладывали по полю.

Через месяц объявили турнир внутри кружка. Первый в жизни Товия.

Он не помнил лиц своих соперников. Помнил только доски. Шершавую поверхность стола под локтями. Свет лампы, падающий на глянцевые черные поля. Гул в ушах, в котором тонули все посторонние звуки. Он играл так, как играл с отцом – выверено, терпеливо. Но в какой-то момент, в партии с долговязым парнем, который уже слыл местной звездой, он увидел то, что видел всегда в игре с Володей: возможность для дерзости.

Позиция была ровной, ничейной. Противник уже расслабленно переминался с ноги на ногу. И тут Товий пожертвовал шашку. Не вынужденно, а на ровном месте. Просто убрал ее с пути, открыв свой фланг. Соперник насторожился, взял, но его строй нарушился. И как по волшебству, белые шашки Товия, до того скованные, ожили, хлынули в образовавшуюся брешь, выстроились в грозную, неудержимую колонну. Через четыре хода противник, покраснев, наклонил короля.

Михаил Иванович, наблюдавший за партией, положил руку ему на плечо: «Хорошо. Очень хорошо. Чувствуешь материал».

Володя, выигравший свой матч, уже носился по залу, хлопал всех по спинам. Товий же просто сидел, глядя на доску, где только что кипело сражение, а теперь царил чистый, немой порядок. В груди было тихо и просторно. Он не просто выиграл. Он понял. Понял, что этот квадратный, понятный мир подчиняется ему. Что он может не только считывать его законы, но и создавать в нем свою собственную, неповторимую мелодию – из щелчков дерева по картону, из молчаливых пауз, из стремительных, необратимых, как судьба, комбинаций.

На улице был харьковский вечер, прохладный, пахнувший акацией и бензином. Фонари зажигались по одному, отмечая квадраты дворов и улиц. Отец, выслушав сбивчивый, взволнованный рассказ, молча потрепал его по стриженной голове. Мама поставила на стол любимые олады. Володя кричал под окном, созывая на реванш.

А в кармане пальто лежала тонкая, сложенная вчетверо бумажка – справка о занятом первом месте в турнире кружка Дома Красной Армии. Первый документ. Первая победа.

Мир был бесконечно сложен и порой пугающе неясен. Но у него в руках теперь был ключ. Маленький, деревянный, круглый. И шестьдесят четыре клетки, на которых эта сложность становилась ясной, преодолимой и прекрасной.

Глава вторая. Зеркало авторитета

Воздух в ленинградском Дворце пионеров был густым и неподвижным, словно специально выдохшимся в ожидании предстоящего события. Товий чувствовал, как он прилипает к горлу при каждом вдохе. Его тщательно выглаженная белая рубашка внезапно стала тесной в вороте, а манжеты нестерпимо натирали запястья. Он стоял у стола, на котором уже были расставлены шашки – строгие ряды темных и светлых кружков, похожие на расчерченное поле для будущего сражения.

Ему было одиннадцать. Он знал наизусть все комбинации, которые разбирал с отцом по вечерам на старой, с выщербленными краями доске. Он мог мысленно видеть целые каскады жертв и превращений, мог просчитать на пять ходов вперед. Но сейчас все эти схемы разбежались в голове, словно испуганные мыши. Вместо них перед глазами стоял только он – Тимковский.

Василий Александрович Тимковский сидел напротив, небрежно откинувшись на стуле. Его лицо, обрамленное аккуратной седой бородкой, выражало спокойную, почти снисходительную усталость. Он вел сеанс одновременной игры с двадцатью юными шашистами, и Товий был лишь одним из этих двадцати. Но для мальчика этот человек был не просто опытным игроком. Тимковский был живой легендой, автором учебников, по которым учился сам Товий, многократным чемпионом Ленинграда. Его имя произносилось в шашечных кружках с придыханием, а его стиль – ясный, логичный, неумолимый – разбирали по косточкам на занятиях.

– Ну что, юные дарования, готовы? – голос Тимковского был бархатным, глуховатым, но каждый его слог отчетливо донесся до самого дальнего столика.

Товий кивнул, не в силах выдать из себя звук. Он почувствовал, как ладони стали холодными и влажными. Тимковский начал свой обход. Он двигался неспешно, делая ходы быстро, почти не глядя на доски, и тут же переходя к следующему сопернику. Его уверенность была осязаемой, как стена. Подойдя к столику Товия, он мельком взглянул на мальчика, и в его глазах Товий прочитал то самое снисхождение – мягкое, но обесценивающее. Для великого Тимковского он был просто очередным мальчишкой, одним из многих, кого нужно вежливо и быстро обыграть, чтобы двигаться дальше.

– Начинай, – просто сказал мастер.

Товий тронул шашку. Палец дрогнул. Он сделал стандартный, учебный дебют – «кол». Без фантазии. Без риска. То, что от него и ожидали.

Тимковский ответил мгновенно, предсказуемо, как по учебнику. И от этого стало еще страшнее. Мастер играл не с ним, а с неким абстрактным противником, шаблоном. Товий чувствовал себя невидимым.

В зале постепенно стихали голоса и смешки. Слышался только приглушенный стук шашек, переставляемых на соседних столах, и тяжелые шаги Тимковского, размеренные, как метроном. Где-то уже раздавался короткий вздох и тихий стук опрокинутой короля – знак капитуляции. Легенда пожинала свои законные жертвы.

Товий смотрел на доску, но видел не черно-белые клетки, а лицо отца. Лев Залманович не смог прийти, он был на смене на заводе. Но его последние слова звенели в ушах: «Держись, Тоша. Не робей. Они тоже люди». Они. Великие. Какая наивность, думал теперь Товий с горечью. Они – не люди. Они – силы природы. Их не остановить.

Ход за ходом игра входила в русло, predetermined авторитетом. Позиция Товия была прочной, но пассивной. Он оборонялся, отступал, уступал пространство. Тимковский, сделав свой ход у его столика, уже почти не задерживался, лишь бросив взгляд, оценивающий скорость неизбежной развязки.

И вдруг что-то щелкнуло.

Товий, готовясь отвести очередную угрозу, мысленно просчитал вариант на три хода вперед. И увидел не ловушку, а... пустоту. Несокрушимая логика Тимковского в этом конкретном укромном уголке доски давала маленькую, едва заметную трещинку. Не ошибку, нет. Мастер не делал ошибок. Он делал сильнейшие ходы. Но сильнейший ход – не обязательно единственный. И в этой микроскопической задержке, в этом полутакте паузы, который предлагала позиция, таилась возможность не выиграть, а... не проиграть.

Сердце Товия заколотилось уже не от страха, а от внезапного, запретного азарта. Он поднял глаза. Тимковский в этот момент стоял спиной, разбирая комбинацию на другом конце зала. Мальчик снова уткнулся в доску. Он стал считать, прокручивать варианты. Его собственный страх отступил, уступив место чистой, холодной математике ситуации. Он забыл про бороду, про титулы, про учебники. Перед ним была просто позиция. Задача. И ее можно было решить.

Когда Тимковский снова подошел, Товий сделал ход. Не тот, что подсказывал инстинкт самосохранения (отступить, укрепить), а тихий, почти незаметный сдвиг на фланге. Мастер взглянул на доску, и его брови чуть дрогнули. Он не сказал ни слова. Он ответил. Но теперь его ответ потребовал не доли секунды, а несколько мгновений раздумья.

Этот миг, этот крошечный просчет во всемогущем ритме сеанса стал для Товия глотком воздуха. Он не победил страха, но теперь у страха появился противовес – жгучее любопытство. А что, если?..

Игра превратилась в тонкую, изнурительную возню. Товий уже не думал о победе. Он цеплялся за каждый темп, искал мельчайшие ничейные ресурсы, строил тихие, неприметные форпосты, которые Тимковский вынужден был обходить, а не сметать. Он перестал играть с Тимковским-легендой. Он играл с позицией. И позиция, к его собственному изумлению, начала отвечать взаимностью.

В зале становилось все тише. Количество столов вокруг пустело. Юные соперники, проиграв, замирали в почтительном отдалении, наблюдая за оставшимися. И вот осталось всего несколько досок. А потом – одна.

Тимковский и Зильбер. Великий мастер и бледный мальчик в слишком большой рубашке.

Шашки на доске поредели. Атака Тимковского, мощная и логичная, уперлась в неожиданно гибкую, резиновую оборону. Мастер сделал предложение ничьей. Это был жест, полный уверенности в том, что мальчик с облегчением согласится.

Товий посмотрел на доску. Он мог принять. Это был бы триумф. Ничья с Тимковским! Но в позиции еще тлела искра. Очень слабая, почти иллюзорная. Рисковать? Попытаться выжать больше и проиграть из-за наглости? Или согласиться и остаться в памяти мастера как «тот упрямый мальчик, с которым пришлось согласиться на ничью»?

Он поднял глаза и встретил взгляд Тимковского. И впервые за весь вечер мастер смотрел на него не сквозь него. Он смотрел внимательно, изучающе. В его взгляде не было ни раздражения, ни снисхождения. Был интерес.

– Предлагаю ничью, – повторил Тимковский, и в его голосе прозвучала не формальность, а вопрос.

Товий сглотнул. Он снова посмотрел на доску, мысленно пробежав по оставшимся силам. Искал подвох. Не нашел. Позиция была мертвой. Но мертвой не в пользу Тимковского. Она была равной.

– Согласен, – тихо, но четко сказал он.

В зале прошел вздох – не разочарования, а изумления. Кто-то начал хлопать. Тимковский медленно кивнул, протянул руку через стол. Его рукопожатие было твердым, теплым и... уважительным.

– Упорно, – сказал он, глядя прямо в глаза Товию. – Очень упорно. Молодец.

И в этот момент в голове у Товия Зильбера, одиннадцатилетнего мальчика из Ленинграда, случилось озарение. Оно пришло не как вспышка, а как тихое, непреложное знание, занявшее в душе место, где раньше жил благоговейный страх.

Великих можно не бояться.

Не то чтобы они переставали быть великими. Нет. Но их величие переставало быть магическим барьером, стеной, о которую разбиваются все надежды. Оно становилось... задачей. Сложной, высочайшей сложности, но задачей, у которой есть условия, правила и, возможно, решение. Его решение сегодня не было победой. Оно было ничьей. Но эта ничья была выстрадана, вымучена, выцарапана из-под ног самого авторитета. Она была *его*.

На обратном пути, в трамвае, он не чувствовал усталости. Он сжимал в кармане маленький блокнотик, куда старательно записал сыгранную партию. Каждая шашка теперь виделась ему не просто фигуркой, а персонажем с историей. Он снова и снова прокручивал в голове ключевой момент, тот самый «тихий» ход, изменивший все. Он думал не о похвале, которая ждала его дома, и не о том, как будет рассказывать об этом отцу. Он думал о самой игре. О ее бездонной глубине, которая только что приоткрылась ему. В ней была не только красивая комбинаторика, но и воля. Его собственная воля, которая смогла вступить в диалог с волей мастера.

Это был решающий поворот. Не к успеху, не к славе – к шашкам. Он понял, что игра – это не просто соревнование умов. Это территория, где можно встретиться с гигантом, посмотреть ему в глаза и не отвести взгляда. Территория, где ты обретаешь свой голос.

Трамвай звенел, увозя его по вечернему Ленинграду. А Товий Зильбер сидел у окна, прижимая к груди блокнот с одной-единственной, самой важной в его жизни партией, и знал, что его путь только начался. И страх больше не был его спутником. Его спутником стало жгучее, неутолимое желание понять эту игру до конца.

Глава третья: Этюд как поэзия

Товий поднимался по винтовой лестнице библиотеки имени Горького, чувствуя, как сердце отзывается на каждый шаг трепетным, знакомым волнением. Он шёл на лекцию Сокова – событие, которого ждал всю неделю. В кармане пальто лежала зачитанная до дыр газета «Шахист» со свежим заданием по композиции, а в голове уже звучали ритмы нерешённых этюдов, как строчки недописанного стихотворения.

Лекционный зал был полон. Молодые люди, некоторые немногим старше Зильбера, сидели с блокнотами и карманными шашечными досками. Иван Иванович Соков, человек с тихим голосом и пронзительными глазами за толстыми стёклами очков, уже стоял у демонстрационной доски.

– Этюд, – начал Соков, не повышая голоса, но в наступившей тишине каждое слово падало, как шашка на поле в решающий момент, – это не просто упражнение. Это микроскоп. Здесь, на этих тридцати двух клетках, разыгрывается не борьба материала, а борьба идей. Чистых, отточенных, как алмаз. Здесь нет места случайности. Только логика, только красота вынужденного пути к победе или ничьей.

Товий замер, забыв вынуть блокнот. Он слышал в этих словах то, что чувствовал сам, но не мог выразить. Шашечная композиция была для него не просто разделом игры. Это был иной язык. Язык, на котором можно было сказать о парадоксе, о долге, о спасении из, казалось бы, безвыходного положения. О поэзии невозможного, становящегося неизбежным.

Соков мелом нарисовал на доске позицию. Всего несколько белых и чёрных шашек, расставленных с обманчивой простотой.

– Посмотрите. Кажется, у чёрных подавляющий перевес. Но белые начинают, и... – он сделал тихий, изящный ход мелом, – они не атакуют. Они жертвуют. Они отдают, чтобы получить не силу, а идею. Правоту.

Зильбер видел, как из начального хаоса рождается стройность, как шашки, подчиняясь скрытому ритму, начинают двигаться по невидимым нитям замысла. Это было похоже на то, как учитель литературы разбирал сонет – показывал, где рифма, где скрытый смысл, как каждая строка готовит кульминацию. Здесь тоже была рифма – рифма ходов. И кульминация – неожиданный, ослепительный ключ, разрешающий все противоречия.

«Это и есть поэзия, – думал Товий, не сводя глаз с доски. – Поэзия чистого смысла».

После лекции он, набравшись смелости, подошёл к Сокову с номером «Шахиста» в руках.

– Иван Иванович, вот здесь, в задании... я вроде бы нашёл решение, но оно кажется слишком прямолинейным. Как будто не хватает... изящества.

Соков взял газету, внимательно посмотрел на диаграмму, потом на юношу.

– Зильбер, правильно? Вы же тот, кто прислал этюд на тему «спасение короля» в прошлом месяце. – Он улыбнулся. – Вы ищете не решение, а музыку решения. Это правильный путь. Прямолинейность – это проза. Наша задача – писать стихи. Приходите в клуб в четверг, разберём.

От этих слов у Товия закружилась голова. Его заметили. Его этюд назвали в одной связке со словом «музыка».

С этого дня мир разделился на два пласта. Был пласт обыденный: уроки в школе, где формулы и параграфы часто навевали скуку, разговоры одноклассников о футболе и кино. И был пласт истинный, сокровенный. В нём царили изящные построения Сокова, терпеливые страницы «Шахиста», и тот маленький, потрёпанный футляр карманных шашек – его главное сокровище.

Эти шашки он выиграл на школьном турнире, своём первом официальном соревновании. Он помнил тот день до мелочей: скрип половиц в актовом зале, запах мела и дерева, суровые

лица судей. В финале ему попался крепкий, упорный парень из параллельного класса. Партия длилась больше часа. Товий не просто выиграл – он провёл комбинацию, которую потом, уже мысленно, разбирал как этюд: жертва, завлечение, неотвратимая последовательность взятий. Когда ему вручили коробочку – невзрачную, чёрную, – он ошутил её вес как награду за целое мировоззрение. Теперь у него был всегда при себе целый мир. Мир, который умещался в ладони.

И этот мир всё чаще вторгался в школьные будни. На скучном уроке физики, пока учитель выводил на доске формулы, Товий осторожно, под крышкой парты, раскладывал на маленькой доске позицию из свежего номера «Шахиста». Учебник по алгебре был приоткрыт, как ширма. Его сознание раздваивалось: одним ухом он ловил монотонный голос преподавателя, а взгляд и вся суть его были здесь, в этом квадратике, расчерченном на клетки.

Пальцы, привыкшие держать ручку, теперь мысленно передвигали невидимые фигуры. Вот белая дамка идёт на жертву. Зачем? А, вот оно... чёрные вынуждены брать, попадая под удар. Но нет, слишком просто. Автор газетного этюда всегда хитрее. Значит, нужно искать скрытый промежуточный ход. Тихий ход. Как эпитет в середине строфы, меняющий весь смысл.

– Зильбер! – раздавался вдруг голос учителя. – К доске. Повторите, что я только сказал о законе Ома.

Товий вздрагивал, сметая с парты невидимые шашки. Он вставал, чувствуя жар на щеках, и пытался собрать рассыпавшиеся в голове обрывки урока. Класс тихо похихикивал. Он часто витал в облаках. Но никто не догадывался, в каких именно. В облаках строгой, математической красоты, где царили свои законы, куда более увлекательные, чем закон Ома.

Иногда, поймав на себе недовольный взгляд педагога, он чувствовал укол стыда. Но он не мог остановиться. Это было сильнее его. Как будто в голове у него постоянно играла музыка, которую слышал только он, и он должен был записать её ноты, пока мелодия не улетучилась. Ноты эти были ходами, а партитурой – клетчатая доска.

По вечерам, сделав уроки, он садился за свой стол, заваленный тетрадями с вариантами, вырезками из газет, испещренными пометками. Он сочинял. Не партии, а именно этюды. Придумывал положение, казавшееся безрадостным для одной из сторон, а потом искал тот единственный путь – тонкий, извилистый, полный отчаяния и надежды, – который вел к спасению. Каждая такая находка была маленьким открытием. Открытием гармонии.

Он понимал, что влюблён. Безоглядно и навсегда. Влюблён не в игру, а в её душу. В её возможность говорить без слов, доказывать красотой, спасать изяществом мысли. Этюд был для него поэзией – поэзией преодоления, поэзией невозможного, ставшего возможным. А карманные шашки в его пальто, газета «Шахист» в портфеле и тихий голос Сокова, звучавший в памяти, были той вселенной, в которой он, Товий Зильбер, наконец-то обрёл свой настоящий дом.

Глава четвёртая. Первый этюд, 1936

Тишина в комнате была особой, густой и звонкой, как натянутая струна. За окном, на улице Щорса, шумел сентябрьский дождь, но Товий его не слышал. Весь мир сузился до клетчатой доски, лежавшей на столе, до восьми белых и восьми чёрных шашек, застывших в немой, но яростной схватке.

Он не играл. Он строил.

Пальцы, привыкшие к стремительным, почти неосознанным движениям во время турнирных партий, теперь двигались с тщательностью часовщика. Поставил белую дамку на h2. Передвинул чёрную простую на b6. Отступил, взгляделся. Нет, не то. Эффектно, но не чисто. Противник найдёт контрудар, скрытую ничью. А должно быть безупречно. Как теорема.

Идея родилась неделю назад, во время анализа проигранной, как ни странно, партии. Не в самой ошибке, а в одном из побочных вариантов, отвергнутом обеими сторонами как бес-

перспективный. Там, в глухой обороне чёрных, ему вдруг померещился причудливый мостик к спасению. Не очевидный, не лежащий на поверхности. Спрятанный за семью печатями.

С тех пор эта мысль жгла его изнутри. Он просыпался с ней, засыпал, прокручивая позицию перед внутренним взором. За столом в редакции «Зари» (где он теперь работал художником-оформителем) он незаметно для начальства чертил на клочках бумаги диаграммы. Шашки жили в нём параллельной, тайной жизнью.

И вот теперь, в субботний вечер, всё сошлось воедино. Рука сама выстроила финальную позицию. Товий откинулся на спинке стула, сердце стучало где-то в горле.

Перед ним была маленькая вселенная. Всего шесть шашек на доске. Белые: дамки на h2 и f4, простая на g3. Чёрные: дамка на a1, простые на b6 и c7. Ход белых. И выигрыш.

Красота композиции была в её обманчивой простоте и многоходовой, как шахматный этюд, логике. Первый, очевидный ход вёл в тупик. Второй, менее заметный, открывал виртуозную последовательность приёмов: ловушка, жертва, точное маневрирование, венец – неотвратимая оппозиция. Чёрная дамка, могучая и одинокая на a1, оказывалась в конце зажатой в угол собственными же простыми, превращёнными в барьеры.

Это была не игра, а мысль, отлитая в форму. Поэзия на 64 клетках.

С дрожащими руками Товий аккуратно перерисовал финальную диаграмму на чистый лист, ниже вывел каллиграфическим почерком: «Этюд Т. Зильбера. Выигрыш». Потом составил текст решения: коротко, ясно, без лишних слов, как учили классики. Конверт, марка, адрес всесоюзного журнала «Шашки».

Отправив письмо, он испытал странную опустошённость, смешанную с лёгким ужасом. А если это банальность? Если подобное уже публиковали? Если решение содержит ошибку, которую он, ослеплённый авторской любовью, не заметил?

Шли недели. Товий ловил себя на том, что каждое утро первым делом заглядывал в почтовый ящик, хотя знал, что журнал идёт долго. Работа в редакции спасала: надо было рисовать заголовки к материалам об успехах стахановцев, портреты передовиков производства. Карандаш и рейсфедер подчинялись уверенно, но мысль всё время возвращалась к тем шести шашкам на большой доске.

И вот, холодным декабрьским утром, он увидел в ящике не конверт, а тонкий пакет. Внутри – свежий номер журнала и короткое письмо от ответственного секретаря. «Уважаемый тов. Зильбер! Ваш этюд принят к публикации. Отличная работа, ждём новых».

Он лихорадочно пролистал страницы, пахнувшие свежей типографской краской. И нашёл. В разделе «Композиция». Скромная диаграмма. И под ней: «Этюд Товия Зильбера».

Он смотрел на эти слова, и буквы плясали перед глазами. Не «Товий». Не «Зильбер Т. Л.». А «Товий Зильбер». Как отчеканенная монета. Как имя.

Через несколько дней пришла газета «Киевский пролетарий» с еженедельной шашечной колонкой. Там был перепечатан его этюд с коротким комментарием: «Молодой киевский шашист и талантливый композитор Товий Зильбер предлагает вниманию читателей изящный этюд на тему точной игры с дамками...»

Он вырезал заметку острыми ножницами, тщательно, по контуру. Маленький прямоугольник газетной бумаги, пожелтевшей, шершавой. Он положил его перед собой на стол. «Молодой... талантливый... Товий Зильбер». Эти слова дышали, излучали тепло. Это был он и не он. Это был его двойник, рождённый не в быту, не в мастерской художника, а в чистом мире идеальных соотношений и сил.

Он взял свой старый альбом для набросков, куда обычно зарисовывал лица, фигуры, интересные композиции. Но не на пустую страницу положил вырезку. Он аккуратно вклеил её на форзац, в самое начало, рядом с экслибрисом. Потом взял перо и тушь и тонкой, почти ювелирной линией обвёл прямоугольник вырезки, превратив её в миниатюрную картину, в реликвию.

С этого момента вырезка стала талисманом. Перед важной партией он открывал альбом, смотрел на неё. Это было напоминание. О том, что кроме силы, напора, турнирных очков, существует ещё и красота. Существует вещь, созданная раз и навсегда. Партии забываются, турнирные таблицы желтеют, а этот маленький этюд, эти шесть фигур – останутся. Их могут анализировать через десять, через пятьдесят лет. И скажут: «Этюд Зильбера».

В нём окончательно оформилась двойная жизнь, двойная идентичность.

Была первая – Товий Зильбер, художник-оформитель редакции заводской газеты. Добросовестный, немного замкнутый сотрудник, умеющий чётко и ясно делать макеты, рисовать плакаты, чертить графики. Его уважали, ценили его аккуратность. Эта жизнь была стабильной, осязаемой, с зарплатой, профсоюзными собраниями, разговорами о квартирном вопросе.

И была вторая – Товий Зильбер. Шашист. Игрок с цепким, комбинационным зрением, набирающий силу в турнирах. И – художник в другом смысле. Художник шашечной мысли. Композитор, создающий на доске не функциональные конструкции для победы, а маленькие шедевры, где каждая шашка – нота, а идея – мелодия.

Он не разделял эти ипостаси. Они питали друг друга. Глаз художника, воспитанный на законах композиции, равновесия, контраста, искал и находил красоту в практической игре. А логика, отточенная за шашечной доской, делала более строгим, выверенным его графический почерк.

Иногда, работая над очередным плакатом, он ловил себя на мысли, что выстраивает элементы по диагонали, как в любимом ударе «кукушкой». А анализируя сложную позицию, видел в возможных перемещениях шашек не просто варианты, а линии, словно нарисованные тушью на листе.

Он закрыл альбом, положил руку на твёрдую крышку. За окном вечерело. Дождь кончился, на мокрый асфальт ложились синие тени. Где-то там, за сотни километров, в ленинградских, московских клубах, возможно, какой-нибудь мастер или просто любитель склонился над диаграммой в журнале, водит пальцем по клеткам, пытается разгадать замысел незнакомого автора по имени Товий Зильбер.

И он, Товий, сидящий в своей комнате на улице Щорса, чувствовал эту невидимую связь. Он был больше не только здесь. Он был и там, в мире чистых идей, отлитых в форму восьми шашек на деревянной доске. Он прикоснулся к вечности. И это прикосновение, шершавое, как газетная бумага вырезки-талисмана, жгло пальцы тихой, непреходящей радостью.

Глава пятая. Пол-очка

(Киев, октябрь 1940 года)

Кленовые листья на Крещатике, багряные и жёлтые, не падали, а словно медленно тонули в прохладном воздухе. Для Товия Зильбера Киев был городом не просто соревнований, а испытания на прочность. Он шёл по утрам в шахматный клуб на розыгрыш очередного тура чемпионата УССР, и каждый шаг отзывался внутри чётким, как удар метронома, счётом: пол-очка. До звания мастера спорта СССР по шашкам – пол-очка.

Внутренний мир его в эти дни был выстроен с математической точностью: шестьдесят четыре клетки, тридцать две фигуры, бесконечные варианты. Здесь царили ясность и справедливость. Здесь ловушку можно было предвидеть за десять ходов, а риск – просчитать. Его амбиции, долго вызревавшие в тишине одесских тренировок, упёрлись сейчас в эту тончайшую перегородку – половину турнирного балла. Она казалась одновременно и ничтожной, и непреодолимой, как слой самого прозрачного, но невидимого стекла. Он чувствовал себя на пороге не просто нового звания, а иной жизни, где его фамилия будет произноситься с неизменным уважением, где его анализы будут публиковать в журналах.

Но за стенами клуба, в большом мире, куда он выходил после партий, царил иной, тревожный и невычислимый порядок. Его ловил на себе разговоры взрослых в гостинице «Интурист», где селили участников.

– Слышал, Румыния окончательно в Тройственном пакте? Это ж весь юго-запад, как на ладони...

– В Минске знакомый интендант говорит, эшелоны идут на запад безостановочно. Не для парада.

– У меня брат в Прибалтике... Пишет, атмосфера – будто перед грозой. Все ждут.

Товий старался пропускать это мимо ушей, как фоновый шум. Он заваривал крепкий чай в стакане, брал шашечницу и уходил в анализ. Война? Это где-то там, в газетных заголовках, в низких голосах у радио-тарелки в холле. Она казалась абстракцией, несовместимой с конкретикой испанской партии или обратного косяка. Его война была здесь: на доске, против хмурого киевского мастера Гуревича, который сегодня держал ничью в тяжёлом, вымученном эндшпиле. Именно эта ничья и стала тем самым роковым пол-очком. Не поражением, но и не победой. Горьковатым, терпким привкусом почти-успеха.

Вечер после того тура был особенно тяжёл. Он не пошёл ужинать, слонялся по опустевшим вечерним улицам. Мечты о будущих победах – о всесоюзном первенстве, о возможном матче с чемпионом – вдруг показались ему хрупкими, как стекло. Они не таяли, нет. Они словно отодвигались, становились картинкой за толстым, мутным стеклом. «В следующем году, – думал он. – Вот получу звание, войду в сборную республики, тогда...» Но мысль обрывалась. Из открытого окна первого этажа доносились позывные радио, а затем – размеренный, чересчур спокойный голос диктора: «...успешно отражая провокации на границе... В Европе продолжаются широкомасштабные манёвры...»

Этот голос был лейтмотивом, назойливым басом, заглушающим мелодию собственных мыслей. Он пробивался сквозь шум трамвая, сквозь смех проходящей пары, сквозь внутренний монолог о незавершённой партии. Лейтмотив надвигающейся... чего? Неизвестности. Огромной, темной тучи на краю ясного, расчерченного на клетки горизонта.

В номере он достал из чемодана тетрадь с гамбитными анализами. Полистал исписанные аккуратным почерком страницы. Здесь был его мир, его территория суверенитета и контроля. Он взял карандаш, чтобы записать сегодняшнюю партию, но рука замерла. Вместо диаграмм перед глазами встало лицо отца, Льва Зильбера, который, провожая его на вокзал в Одессе,

сказал не о шашках, а как-то вдруг очень просто и буднично: «Береги себя, сынок. Времена стали зыбкие. Главное – чтобы голова была на плечах, а остальное приложится».

Тогда эти слова показались общим местом. Сейчас они отозвались глухим ударом где-то под сердцем. Горечь от недобранного пол-очка вдруг смешалась с другим, новым, незнакомым чувством – тревогой не за исход турнира, а за сам этот хрупкий мирок, где турниры вообще возможны. Где можно просидеть ночь над задачей, не думая ни о чём, кроме красивого комбинационного удара.

Он всё же записал партию. Разбор показал, что шанс был на 34-м ходу. Упущен. «Значит, недоработал. Значит, нужно быть сильнее», – прошептал он себе, как мантру. Амбиции, обожжённые горечью, закалялись в сталь. Он представил, как вернётся в Одессу, сядет за столик у окна, откроет эту тетрадь и начнёт готовиться к следующему чемпионату. К будущим победам.

И тут же, как эхо, в памяти всплыл обрывок утреннего разговора двух пожилых мастеров в фойе: «При таком раскладе, Исаак Моисеевич, до следующего чемпионата ещё дожить надо...»

Товий резко захлопнул тетрадь. Он подошёл к окну. Внизу бульвар тонул в осенней тьме, фонари отбрасывали на асфальт длинные, колеблющиеся тени. Где-то там, за тысячу километров на запад, уже стягивались реальные, не игрушечные армии. Но здесь и сейчас, в этой тихой комнате, у него была доска. И пол-очка, которые нужно было однажды добрать. Надо было просто успеть. Обязательно успеть.

Он взял шашки и начал расставлять позицию с того самого, 34-го хода. На мгновение всё остальное отступило. Были только чёрные и белые квадраты, тиканье настенных часов и его воля, концентрирующаяся в острие карандаша, указывающего на единственно верный путь. На пороге мастерства стоял не только он. На пороге стояла вся его эпоха. Но шашкист Зильбер в эту минуту думал только об одном ходе вперёд.

Глава шестая. Разрыв

Харьков в августе 1941-го был уже не тем городом, который Товий знал и любил. Воздух, еще недавно напоенный ароматом цветущих лип с сада Шевченко, теперь горчил гарью и тревогой. По булыжным мостовым маршировали не шахматные секундомеры, а суровое, неумолимое время, отсчитывающее часы до неизбежной бури.

Война пришла не внезапно – она подкрадывалась весь июнь и июль, сначала далекими сводками, потом нарастающим гулом самолетов, не принадлежащих к мирным упражнениям, затем – первыми эшелонами с ранеными на вокзале. Но для Товия, как и для многих его сверстников, она стала реальностью именно в августе, когда над городом впервые прорвались немецкие бомбардировщики, и знакомые улицы превратились в черно-белые кадры хроники: закопченные фасады, перекошенные трамвайные пути, лица, застывшие в ожидании удара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.